

Менее удачно подобраны изображения городов. Ростов показан современной фотографией, Великий Новгород — рисунком XVII в., Москва — одним из наименее достоверных ее изображений — планом-рисунком Герберштейна, Рязань — реконструкцией укреплений, выполненной художником Г. Б. Шуклиным. Киева, занимающего в былинах такое большое место, среди иллюстраций нет вовсе, хотя имеется достаточное количество как древних его изображений, так и современных реконструкций.

Специалисты найдут, наверное, какие-нибудь мелкие ошибки и опечатки в опубликованных текстах, но в целом рецензируемая книга представляет большой интерес. Она чрезвычайно полезна как фольклористам, так и научным работникам, занимающимся смежными проблемами. Ею, несомненно, будут широко пользоваться также студенты-гуманитарии разных специальностей и просто любители старинной русской литературы и фольклора.

М. Г. Рабинович

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Chester S. Chard. *Northeast Asia in prehistory*. Madison, 1974, 214 p.

Рецензируемая книга написана Честером С. Чардом — известным американским специалистом по археологии Арктики и Субарктики. В поле зрения автора находится территория Сибири, преимущественно к востоку от Енисея, Монголия, Маньчжурия, Корея и Япония, а хронологически книга охватывает период от древнейших известных палеолитических памятников до первых веков нашей эры. Диапазон, таким образом, огромен, а объем книги невелик, что по необходимости придает ей в известной степени обзорно-конспектный характер.

Честер С. Чард проработал огромный литературный материал, в том числе на русском и японском языках, хотя в библиографию вошли в основном публикации на английском языке. Автор, очевидно, стремился создать более или менее популярное пособие для изучающих археологию, изложить по возможности объективно существующий фактический материал и лишь в ряде случаев дать свою личную интерпретацию. Книга такого широкого тематического охвата по этой проблематике выходит на английском языке впервые. Помимо нее в мировой литературе существует еще лишь относительно сходная по теме книга Леруа-Гурана¹.

В первой главе книги — «Северо-Восточная Азия в плейстоцене», достаточно полно охвачены опубликованные материалы. При этом автор постоянно ссылается на недостаточность имеющихся памятников для построения законченных концепций, на спорность и субъективность существующих интерпретаций. Рассматривая климатические условия Северной Азии в плейстоцене, Честер С. Чард пытается выделить районы, где человека быть не могло, и районы, где он мог существовать, хотя столь ранних следов его и не найдено. В книге высказано мнение, что полностью достоверных признаков человеческого обитания здесь древнее, чем 30 тыс. лет назад, пока не найдено. Автор упоминает, разумеется, считающиеся нижнепалеолитическими культуры Японии, находки советских археологов в Улалинке, Филимошках, в ряде пунктов Монголии, но считает, что датировка их может оказаться и гораздо более поздней. Верхнепалеолитические памятники Сибири описаны в книге достаточно подробно.

Азиатские палеолитические материалы рассматриваются в монографии под углом зрения их возможной связи с заселением Нового Света. Учитывая трудную проходимость Арктическо-Тихоокеанского водораздела, Честер С. Чард выделяет два пути возможного проникновения человека в Америку. Один — идет севернее этого водораздела, но он во все времена был доступен только для людей, приспособившихся к климату тундры, и представляет собой естественный выход для населения северных равнин Евразии; другой — идет из районов Нижнего Амура и более южных по берегам Охотского и Берингова морей, но этот путь был доступен для пеших охотников лишь в эпохи максимального понижения уровня моря. При современном уровне моря эти берега слишком обрывисты, а лежащие за прибрежными хребтами территории трудно проходимы.

Описывая верхнепалеолитические комплексы Японии, Честер С. Чард отмечает их малую информативность. Материал здесь обильнее, чем в Сибири, но он ограничен камнем и, в отличие от сибирского, не дает никакого представления об образе жизни людей, об их жилищах, типах стоянок, искусстве и вообще духовной жизни.

Хотя, как уже отмечалось, автор старается избежать привнесения в изложение собственных взглядов и концепций, они все-таки присутствуют в книге. Следует отметить,

¹ A. Lerois-Gourhan, *Archéologie du Pacifique Nord*, Paris, 1947.

в частности, стремление все особенности и изменения объяснять в основном миграциями и внешними влияниями. Так, возникновение техники наконечников на Хоккайдо объясняется «кориньякоидной традицией», пришедшей из Европы через Сибирь. В Южной Японии, согласно Честеру С. Чарду господствовала технология продолговатых отщепов, возможно, проникшая сюда из Юго-Восточной Азии.

Во второй главе — «Неолитическая Сибирь и ее соседи», подробно описаны основные неолитические культуры Сибири по материалам советских авторов. Культуры Маньчжурии, по Честеру С. Чарду, занимают промежуточное положение между культурами Северного Китая и советского Приморья, но резко отличаются от культур Внутренней Сибири и Монголии. Последние же две области образуют в эту эпоху явно выраженное культурное единство. Что касается Кореи, то в эпоху неолита она не представляла собой единой области: северо-восток ее был занят теми же культурами, что и Приморье; северо-запад в культурном отношении смыкался с Маньчжурией; центр представлял собой особый культурный ареал; юго-восток (район Пусана) был довольно тесно связан с Японией; юго-запад Кореи, где, очевидно, ранее всего возникло производящее хозяйство (земледелие), археологически не изучен. Таким образом, в неолите Корея отнюдь не была связующим звеном между материком и Японскими островами; между севером и югом Кореи, по Честеру С. Чарду, связи практически отсутствовали. Материковые влияния продолжали проникать в Северную Японию через Сахалин и Хоккайдо.

Четвертая глава книги — «Степи внутренней Азии» основана главным образом на советских источниках. Автор считает несомненным, что андроновская культура и вся полоса степей этой эпохи принадлежали племенам индо-иранской ветви индоевропейцев и высказывает мнение, что Карасукская культура развилась из андроновской, в связи с чем прежние взгляды, что она есть интрузия из района Ордоса, сильно проиндизированная китайскими влияниями, решительно устарели.

Запоздание на несколько столетий перехода от бронзы к железу в сибирских степях по сравнению со Скифией Честер С. Чард объясняет высокими качествами алтайской бронзы, которую имело смысл менять лишь уже на высоко развитую железную технику. Подробно описаны в книге находки в Пазырыкских курганах, памятники тагарской и таштыкской культуры.

Рецензируемая книга довольно богато иллюстрирована, хотя, к сожалению, в ней мало карт и, главное, карты эти малoinформативны. В целом она ценна для англоязычной аудитории тем, что дает достаточно подробную и объективную сводку работ советских археологов в Монголии и Сибири. Для советского же читателя наибольший интерес, пожалуй, представляют третья и пятая главы — «Япония эпохи дзёмон» и «Япония в эпоху яёй и кофун», посвященные соответственно эпохам неолита и раннего металла. Развитие японского неолита (культуры дзёмон) протекало, по мнению автора, в большой изоляции от материковых влияний и со значительной внутренней дивергенцией по мелким ареалам. Контакты с южной Кореей существовали уже в VII тыс. до н. э., но они не привели к связям с более отдаленными материковыми районами. Все-таки, учитывая характер субстратных черт в японском языке, возможность того, что Южная Япония была в какой-то мере затронута частью того же потока мигрантов, который освоил острова Океании, не исключена.

Хотя высокое развитие разнообразной керамики, обилие статуэток, наводящих на мысль о культе плодородия, находки крахмалистых лепешек истолковываются как свидетельства земледелия в среднем дзёмоне, Честер С. Чард считает, что скорее экономика этой эпохи была близка к типу «собираателей урожая», вроде индейцев Калифорнии, с большой ролью охоты и рыбной ловли. Но она обеспечивала высокую степень оседлости, разнообразие и высокий уровень ритуальной и художественной деятельности. Физический облик населения эпохи дзёмон, по новейшим данным, был ближе всего к айнскому типу, хотя и отличался довольно большим разнообразием в разных районах Японии. Рисосеяние распространилось в Японии с появлением культуры яёй в V веке до н. э., но не исключено, что ячмень и суходольный рис могли возделываться кое-где подсечно-огневым методом и несколько раньше. Классические индикаторы позднего яёй — это бронзовые мечи, колокола и отчасти наконечники стрел, но некоторое количество ввозных железных орудий и оружия имелось и на начальном этапе этой культуры. Теперь можно считать установленным, что на всем протяжении бытования культуры яёй орудия труда делались либо из железа, либо (чаще) из камня, а из бронзы изготовлялись преимущественно культово-церемониальные объекты.

Если при анализе палеолита Честер С. Чард охотнее всего прибегает к гипотезам порой весьма дальних миграций и влияний, то в анализе неолита он стремился прежде всего искать автохтонные корни в развитии и чередовании культур, прослеживать преемственность между ними. В особенности склонен он к такой позиции при разборе японского материала, и подход его к формированию культуры яёй очень своеобразен. По его мнению, по меньшей мере три важных элемента культуры яёй никак не могут быть выведены из дзёмона, хотя во многих других наследие дзёмона удается проследить. Эти три элемента — железо (добавим — и металл, вообще), ткачество и культура риса. Но Честер С. Чард считает, что эти элементы могли просочиться в Японию из разных мест и независимо друг от друга и уже на японской почве слиться в единый сплав — культуру яёй, которая таким образом, предстает как «продукция японского производства», хотя и в значительной части из «импортных деталей». Нам пред-

ставляется, что все же ближе к истине традиционный взгляд о появлении культуры яёй в Японии как введенного единовременного цельного комплекса, наложившегося на местный субстрат. Впрочем, нельзя считать полностью исключенным, что ему могли предшествовать отдельные внешние влияния на культуры финального дзёмона (в частности, проникновение ткачества и рисосеяния предшествовало проникновению всего комплекса яёй как целого).

Что касается разбора курганной культуры (IV—VI вв. н. э.), уже непосредственно смыкающейся с эпохой начала писаной истории Японии, то здесь как заслугу Честера С. Чарда следует отметить его четкую оппозицию крайне миграционистским, но весьма широко распространенным концепциям, исходящим, прежде всего от Намио Эгами; согласно этим концепциям, курганная культура связана с новой волной миграций центральноазиатского происхождения. На деле в курганной культуре отразилось широкое распространение в то время по всему Дальнему Востоку элементов степной культуры (курганов, соколиной охоты, свистящих стрел и т. д.), никак не связанных с миграциями целых этнических групп.

В заключение своей работы Честер С. Чард подводит итог рассмотрению тенденций развития культуры в Северо-Восточной Азии в эпоху неолита и отчасти палеолита. Это скрещение в палеолите и развитие в неолите многих культурных традиций в Монголии и Сибири; преимущественно западные влияния на мир азиатских степей, через них достигнувшие и Китая; роль Кореи скорее как барьера, нежели моста между материком и Японией, долгое изолированное развитие Японии и вообще удивительно малая доля влияния нарождающегося очага китайской цивилизации на страны, лежащие к северу от него. «Великая Китайская Стена, — образно говорит Честер С. Чард, — кажется, существовала как резкая культурная граница и барьер задолго до того как она была построена» (стр. 208).

С. А. Арутюнов

Nari Rustomji, Enchanted frontier. Sikkim, Bhutan and India's North-Eastern borderlands. Calcutta, 1973, 333 p.

Число специальных публикаций по этнографии горных народов Восточной и Северо-Восточной Индии, а также Бутана относительно невелико. Объяснить это можно природными условиями и теми ограничениями, которые возникают в связи с особо важным стратегическим положением рассматриваемых провинций. Поэтому этнографические сведения, которые содержатся в отрывочных сообщениях прессы и публикациях неэтнографического характера, представляют известную ценность.

Работа Нари Рустомджи, крупного индийского государственного деятеля либерального направления (большая часть службы которого прошла на востоке страны), представляет особый интерес в ряду подобных публикаций. Не случайно его высказывания по этнографии Восточной Индии часто встречаются в работах других авторов¹.

Известно, что до второй мировой войны большая часть Восточной Индии находилась под так называемым косвенным управлением англичан: непосредственная административная власть на местах осуществлялась через традиционные общественные институты, причем сбор налогов и общерегиональные отношения контролировались аппаратом политического представителя, который назначался вице-королем Индии. Только в 1943 г., в связи с проникновением японских войск в район Манипура, английские власти были вынуждены ввести прямую колониальную администрацию в прифронтовых зонах.

Таким образом, к моменту провозглашения независимости Индии во многих восточных провинциях и Северо-Восточном пограничном агентстве (НЕФА) не существовало администрации, которая была бы в состоянии проводить в жизнь соответствующие решения центрального правительства. Более того, политика англичан, не раз применявших силу в отношении местных народов, способствовала подрыву доверия последних к деятельности любой стоящей над ними администрации. Если к этому добавить, что население районов, граничащих с Бирмой и Тибетом, этнически, антропологически и в культурном отношении существенно отличается от остального населения страны, то можно представить задачи и трудности на пути их решения, с которыми столкнулось правительство молодой республики.

Особенно важное значение приобрели задачи национального строительства, укрепления авторитета и власти центрального правительства Индии среди горных племен, обеспечения общей безопасности и безопасности границ, сохранения единства страны. Естественно, что в этих условиях этнография заняла одно из первых мест среди практически необходимых для администратора наук. «Эта наука, — подчеркивает автор, — имеет свои законы не в меньшей мере, чем техника или медицина, и изучение ее требует времени» (стр. 152).

¹ См. S. C. Kakati, *Discovery of Assam*, Calcutta, 1964; V. Elwin, *Philosophy for NEFA*. NEFA Publication, 1957; его же, *The tribal world*, Oxford, 1964.